

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. (ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ)

The article examines the history of Belarusian territory movement at the first-third of the XX th century.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались значительным ростом интересов различных слоев населения Белоруссии к своей истории, культурному наследию и, наконец, к языку. Причем заинтересованные лица уже не ограничивались обычным для дилетантов и любителей кругом тем и вопросов, но пробовали свои силы в серьезной научной работе, объединяясь и контактируя с профессионалами в интересующих их областях: истории, археологии, этнографии и т. д., результаты чего, помимо многочисленных публикаций, были продемонстрированы, например, на проводившемся в 1893 г. в г. Вильно IX Археологическом съезде, на котором наряду с признанными авторитетами выступали и любители, по существу, краеведы, такие, как А.К. Снитко и другие, объединившиеся в кружок возле именитого российского археолога А.А. Спицына.

Общая реакция в стране и негативное отношение к проявлению любой общественной активности и инициативы в период после поражения российской революции 1905–1907 гг. привели к постепенному затуханию краеведческого движения. Тем не менее уже в 1907 г. группа студентов-белорусов Санкт-Петербургского университета организовала краеведческий кружок, имевший целью всестороннее изучение Гродненской губернии [1]. Стабильно продолжало развиваться в условиях реакции церковное краеведение, поскольку оно было составной частью курса истории церкви и программ соответствующих кафедр во всех духовных семинариях [2].

Новое оживление краеведческой деятельности началось в 1912 г. вместе с очередным подъемом общественного и революционного движения. Стихийное, неорганизованное краеведение одно время группировалось вокруг газеты «Наша нива» [3]. Его успешному расширению и развитию способствовала отмена запрета на участие в деятельности частных (негосударственных) обществ студенчества и учащейся молодежи – наиболее деятельной и заинтересованной части населения, тянувшегося к краеведческой работе, а также высочайшее утверждение устава уже работающих обществ. Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., и последовавшая вскоре оккупация (частичная, а затем и почти полная) территории Белоруссии германскими войсками, как и польская оккупация, не создавали благоприятных условий для развития краеведения, ибо большая часть общества своей первоначальной задачей считала борьбу за национальное и политическое освобождение Белоруссии, что, впрочем, не привело к полному забвению краеведения. Примером может служить деятельность Минского общества истории и древностей, которое не только занималось подготовкой и обсуждением научных докладов, но даже организовывало, пусть и небольшие по объему производящихся работ, археологические раскопки городов и могильников [4]. Возникали и работали и другие краеведческие организации на местах, в губернских, уездных центрах и даже в глубинке, о чем будет сказано ниже.

Благоприятные условия для развития краеведческого движения сложились в БССР в первые десятилетия ее существования. Государственность Беларуси, пусть даже достигнутая в ограниченных территориально масштабах, способствовала пробуждению национального самосознания, а вместе с тем и тяге к самопознанию через глубокое и всестороннее изучение своей страны.

Хотя при новом руководстве страны имели место негативные факты разрушения памятников истории культуры (закрытие храмов с распродажей их имущества, а также лик-

видации библиотек и музеев, о чем сообщал, например, осенью 1923 г. своему петроградскому адресату (личность которого не установлена) бывший профессор Витебского отделения Археологического института Болеслав Брежго [5]), тем не менее преобладание «западников» в верхушке большевистского руководства, привело к избранию в качестве образца для подражания в области просвещения германской модели, в основе которой лежало изучение края; способствовало распространению в системе образования краеведения и господство в советском народном образовании педологии.

Следует особо отметить, что на первоначальном этапе краеведческому движению в БССР были присущи инициатива масс на местах и определенная стихийность, не исключавшая, впрочем, некоторых элементов организованности. Вскоре после революции в Игуменском уезде в 1918 г. возник и до 1923 г. работал кружок краеведения «Вихрь» в д. Смоляры, а также «Буря» в д. Хуторы. В 1922 г. была создана Слуцкая поветовая комиссия белорусоведения, преобразовавшаяся в культурно-просветительное общество «Папараць-кветка», состоящее из трех секций: литературной, краеведческой и драматическо-хоровой. Общество имело два филиала на территории повета, сельские филиалы, надо полагать, были организационно связаны с поветовым центром. В 1923 г. в Витебске под руководством М. Касперовича действовало Витебское товарищество белорусских краеведческих организаций, объединяющее работу нескольких первичных организаций Витебской округи (области). Насчитывало оно 500 членов. Товарищество делилось на 5 секций: культурно-историческую, природоведческую, художественную, просветительскую и белорусоведческую; работали также астрономический пункт и фенологическое бюро. Велась работа по составлению словаря живого языка Витебщины. Отдельная группа занималась изучением культуры, быта и истории евреев. Подобное этому Могилевское окружное товарищество было тесно связано с районными отделениями: Сенницким, Чашницким, Лиозненским, Сиротинским, Бешенковичским [6]. Некоторые краеведческие общества имели свои печатные органы, о работе краеведов информировала также республиканская и окружная периодическая печать.

Заметный количественный рост как краеведческих организаций (преимущественно первичных), так и числа их членов (ими были в основном представители интеллигенции (учителя, врачи) и учащейся молодежи), продемонстрировал, что движение становится массовым, и уже в силу этого оно не могло остаться без внимания со стороны государственных и партийных органов, взявших под свой присмотр и руководство большинство массовых организаций и движений, дабы направлять энергию и творчество их участников в требуемое русло.

Но успешно решить эту задачу можно было только организовав и централизовав само движение, связав низовых первичных ячеек с районными, а те с окружными, которые, в свою очередь, должны были замыкаться на единый центр.

При такой централизованной организации движение легко контролировалось и управлялось, но следует отметить, что и само движение для успешной деятельности нуждалось в централизации, которая избавила бы первичные организации от дублирования тем исследовательской работы, способствовала подготовке инструкторских кадров, изданию методической и иной необходимой литературы, а также публикации работ краеведов, в чем они, несомненно, были заинтересованы.

Для разрешения этих задач в ноябре 1924 г. была созвана I Всебелорусская краеведческая конференция. Всего в ее работе участвовали 120 делегатов, из которых 112 имели решающий и 8 совещательный голос. Они представляли преимущественно первичные краеведческие организации, а также ВУЗы, исследовательские станции и другие организации, заинтересованные в развитии краеведения, также на конференции присутствовали авторитетные специалисты-краеведы, не входившие в состав первичных организаций. На ней было принято решение о создании для организационного и методического руководства краеведческим движением в БССР Центрального Бюро Краеведения (ЦБК) при Институте

Белорусской Культуры (Инбелкульте), был сформирован состав этого бюро, определена организационная структура краеведческого движения и учрежден печатный орган ЦКБ – журнал «Наш край», издававшийся с октября 1925 г. Почти сразу же это издание начало публиковать методические указания, инструкции и пособия по различным видам краеведческой деятельности. Публиковались также статьи краеведов и научные отчеты о проделанной ими работе, помещалась также информация о деятельности окружных районных и некоторых местных организаций. Руководил работой журнала Змитрок Бядуля (С. Плавник).

Однако наряду с этими положительными явлениями, способствующими становлению и укреплению краеведческого движения, в журнале буквально с первого номера появились публикации, целью которых было придание движению определенной политической направленности. В открывающей октябрьский (первый) номер 1925 г. редакционной статье делалось противопоставление старого, дореволюционного, краеведения, интересовавшегося разного рода «старасъветчынай» (замками, храмами и т. п.), и нового, советского, которое должно подчиняться интересам и нуждам социалистического строительства и уделять внимание прежде всего революционному пролетариату, деятельности партийных и советских организаций, а также истории революционной борьбы [7]. При этом подчеркивалась и настойчиво проводилась мысль, что «на Беларусі дарэвалюцыйнае краязнаўства мела выключна акупацыйны характар» и «не оріентавалася на шырокія масы культурных працаўнікоў». Таким образом, краеведение призывалось подменить собой серьезную науку, которой оно противопоставлялось. Пожалуй, точнее будет сказать, что краеведов намеревались использовать те, кто собирался «переписывать историю» исходя из своих представлений о том, какой она должна быть.

После I Всебелорусской краеведческой конференции проводились конференции окружные и районные, которые решали организационные вопросы на местах. Следует констатировать, что проведение I Всебелорусской краеведческой конференции и последующая работа ЦКБ и округовых органов по осуществлению ее решений принесли свои плоды: в последовавшие после конференции месяцы наблюдается быстрый рост числа членов движения и первичных организаций. Уже к 1926 г. произошло значительное увеличение количества краеведческих кружков и групп, а число их членов превысило 5000 человек. Издававшийся ЦКБ журнал «Наш край» публикует работы по истории, этнографии, археологии, архитектуре и искусству, по изучению климата и природных ресурсов, а также отчеты о краеведческих поездках и экскурсиях. Многие из этих работ были выполнены на должном научном уровне и поныне заслуживают серьезного внимания.

Но несмотря на руководящие и ориентирующие краеведов в их работе указания ЦКБ, появляются в журнале и публикации, проявляющие заботу о памятниках столь не любимой руководством «старасъветчыны». Так, в информации Н. Улашика (впоследствии известного ученого) о поездке группы студентов-краеведов БГУ в Койданово (ныне г. Дзержинск) с тревогой и болью сообщалось о бедственном состоянии тамошнего реформаторского (кальвинистского) храма (на то время одного из красивейших на территории Беларуси): верх его башни был разрушен, а башни ограждения, целого еще два года назад, разрушаются и приспособляются под свинарники [8]. Ситуация, хорошо знакомая по одному из эпизодов повести В. Короткевича «Чорны замак Альшанскі» и, к сожалению, легко узнаваемая в силу своей типичности.

Подобные устремления и деятельность краеведов, направленные на охрану памятников истории и культуры, не укладывались в «прокрустово ложе», приготовленное для белорусского краеведения руководителями ЦКБ, Инбелкульты и стоящего над ними руководства. Поэтому с целью более решительного подчинения краеведческого движения задачам и нуждам партии и социалистического строительства был созван I Всебелорусский краеведческий съезд, работа которого проходила в Минске с 7 по 10 февраля 1926 г. Главная проблема, рассматриваемая на съезде, – в каком направлении в дальнейшем

должны работать краеведческие организации. В отличие от I Всебелорусской краеведческой конференции делегаты съезда представляли уже не преимущественно первичные, районные и областные организации, среди них было немало представителей властных, партийных и комсомольских структур. Среди выступивших на съезде с докладами был руководитель ЦК КП(б)Б А. Червяков. О том, насколько политизирована была работа съезда и вся атмосфера на нем, можно судить уже по тому, что в почетный президиум съезда был избран И.В. Сталин.

В докладах и выступлениях делегатов съезда звучала глубокая обеспокоенность состоянием дела охраны памятников истории и культуры в БССР и уровнем развития краеведения. Не оставив эти проблемы без внимания, съезд тем не менее основное внимание уделил переориентации направления краеведческого движения в БССР и подчинению его ближайшим практическим нуждам социалистического строительства. Все это нашло отражение не только в резолюциях и постановлениях съезда, но и в последовавших затем публикациях направляющего характера в журнале «Наш край». Так, одна из публикаций носила название «Краязнаўства і крабудаўніцтва» [9]. И в документах съезда, и в последовавших после него публикациях заметна обеспокоенность руководства положением в социальном составе участников движения. С одной стороны, звучит предложение все шире привлекать к участию в нем не только учителей и врачей, но и работников промышленности и сельского хозяйства, а также советских и партийных органов, с другой – все настойчивее проводится мысль о необходимости вовлечения в движение представителей пролетарской городской (рабочей) и сельской (крестьянской) молодежи.

Задачам и нуждам индустриализации подчинялись призывы отказаться от традиционных тем краеведения, осужденных (как устаревшие) еще в середине 20-х гг., а исследовать преимущественно сырьевые ресурсы районов и округов с целью использования их в промышленности (залежи торфа и других полезных ископаемых), изучать передовой опыт развития местных промыслов и крестьянского земледелия, а также исследовать и пропагандировать достижения коллективных хозяйств с целью помощи проводившейся в то время политике коллективизации. Не оставлялась без внимания и задача пропаганды политики индустриализации: вместо традиционных краеведческих экскурсий по историческим местам, памятникам истории и культуры все чаще предлагались экскурсии по объектам пятилетки (стройки, фабрики и заводы), особенно рекомендовались последние для колхозников и сельской молодежи, дабы преодолеть сложившееся на селе убеждение о легком труде и жизни городских рабочих и таким образом содействовать «смычке» города и деревни. Давались прямые указания на занятие «производственным» краеведением [10].

В конце 20-х годов перед краеведами ставится задача способствовать усилению обороноспособности страны [11]. Поскольку военная доктрина СССР и РККА в то время еще допускала вероятность ведения боевых действий на территории СССР, то краеведам предлагалось снимать планы и карты местности с указанием мостов, речных переправ и бродов, оценивать потенциальные ресурсы (запасы фуража и сельхозпродуктов) той или иной местности по предполагаемым маршрутам движения войск, а также выяснять настроения местных жителей и на этой основе выделять «благонадежные и неблагонадежные» районы. Зная дальнейшую историю страны, нетрудно определить, кем и с какой целью могли использоваться данные сведения. Рекомендовалось также привлекать краеведов к работе по проведению Всесоюзной переписи 1926 г., причем перед ними ставилась задача выяснять настроения населения и отношение его к переписи. Кстати, подобные занятия, навязанные «сверху» краеведам, активно использовались затем при разгроме движения, когда многих рядовых его членов, а также часть крупных и авторитетных специалистов осудили как шпионов, работавших якобы на ряд иностранных разведок.

На I Всебелорусском краеведческом съезде решались и некоторые организационные вопросы. Было решено, что стоявшее во главе движения ЦКБ должно вести свою деятельность под руководством Президиума Инбелкульта, которому оно подотчетно. В состав

Президиума ЦКБ было избрано 7 человек. Съезд рассмотрел и принял Устав ЦКБ.

После съезда наблюдался дальнейший рост краеведческих организаций, число которых в 1927 г. достигло 270, а также членов движения, количество которых к концу года приближалось уже к 10 000. Значительный вклад краеведы внесли в дело регистрации и охраны памятников археологии: они участвовали в заполнении разработанных археологической кафедрой Инбелкульта «Опросных листов», совершали экскурсии по известным памятникам археологии, обследовали долины рек и берега озер в поисках новых памятников, участвовали в работе профессиональных археологических экспедиций, препятствовали самочинным (недозволенным) раскопкам, следили, чтобы случайно выявленные артефакты не расходились по частным коллекциям и не пропадали для науки, а передавались в музеи. Краеведческие музеи организовывались при школах и иных учебных заведениях, культурных учреждениях, в районных центрах, но в публикациях «Нашего края» отмечалось недостаточно серьезное отношение к музейной работе как краеведов, так и местного руководства, а главное, отсутствие квалифицированных специалистов по музейной работе.

Не смотря на ряд принятых мер по дальнейшей идеологизации краеведческого движения, партийная и советская бюрократия желаемых результатов так и не достигла. Серьезные и авторитетные, а также и рядовые краеведы, игнорируя руководящие методические рекомендации ЦКБ, продолжали в своей деятельности отдавать предпочтение традиционным темам и направлениям краеведческой работы, что хорошо прослеживается по материалам, публикуемым в журнале «Наш край».

Подобная ситуация не могла устраивать правящую партию и чиновнический аппарат. Поэтому негласно был взят курс на постепенное сворачивание и ликвидацию движения, которое так и не удалось обуздать. Первый удар был нанесен по его главному печатному органу, ставшему популярным и авторитетным, — журналу «Наш край». Уже с 1927 г. наряду с краеведческими материалами в нем начинают публиковаться статьи иного, часто не научного направления, а в 1928 г. подобные материалы становятся преобладающими. Вскоре в журнале сменили главного редактора и редколлегию. Как справедливо заметил Л.В. Алексеев, последним выпуском журнала, подготовленным Змитраком Бядулей, М. Белугой и С. Журавским, был сдвоенный № 7–8 за 1930 г. [12]. С конца 1930 г. название журнала было изменено на «Савецкая краіна», которое, надо полагать, в верхах посчитали более идеологически выдержанным. И хотя под новым названием тираж издания увеличился с 1000 до 1300, вряд ли это можно объяснить ростом его популярности. Уже в первом номере «Савецкай краіны» говорилось о гнезде белорусского национал-демократизма в белорусской Академии наук, которое возникло там при попустительстве национал-оппортунистов из бывшего руководства академии и Наркомата просвещения. Указывалось также, что рупором национал-демократов стал журнал «Наш край», основной установкой которого были «курс на самовозрождение капиталистической Белоруссии» и прочие «контрреволюционные» задачи. В этой связи объяснялось и пристрастие белорусского краеведения к древностям в ущерб интересам социалистического строительства.

После разгрома руководства белорусской Академии наук и огульном обвинении интеллигенции во вредительстве последовала расправа над ведущими краеведами, а также профессиональными историками, этнографами и археологами, которые поддерживали и курировали краеведческое движение. Само движение также оказалось обезглавленным и разгромленным. Постепенно оно пошло на спад, медленное и очень осторожное его оживление началось уже после Второй мировой войны.

Белорусское краеведческое движение не ограничивалось в рассматриваемый период только территорией БССР: белорусские секции и группы стали создаваться и работать при краеведческих обществах на территории РСФСР и некоторых других союзных республик, действовали белорусские краеведческие организации и за пределами СССР. Успешно развивалось краеведение в рамках деятельности белорусских культурно-просветительских организаций на территории Латвии, где издавался белорусский журнал «Крывіч». Краеве-

дение на западных территориях Белоруссии в указанный период развивалось преимущественно как краеведение польское. Но наряду с этим на западнобелорусских территориях имело место и белорусское краеведение, которое было одним из средств отстаивания и сохранения белорусского самосознания и культуры в условиях польской оккупации. Энтузиасты-краеведы группировались вокруг музеев, в первую очередь Белорусского музея Луцевичей в Вильно. И краеведам, и энтузиастам музейного дела приходилось противостоять сопротивлению и враждебности со стороны государства. К сожалению, следует констатировать, что краеведческое движение в Западной Белоруссии до сих пор остается малоизученной темой [13].

Период 20-х годов XX в. был временем широкого распространения краеведения и превращения его в поистине массовое движение, временем, когда происходило его организационное оформление и велась борьба за постановку этого общественного движения под руководство и контроль партии и государства. Период 30-х годов минувшего столетия был временем разгрома и свертывания движения, но недоступность источников, относящихся к данной проблеме, препятствует полному и всестороннему ее рассмотрению.

Таким образом, и по своей традиционной (а не навязываемой «сверху») тематике, и хронологически краеведческое движение в БССР совпадает с периодом политики белорусизации и является его составной частью. Совпадают хронологически и, как нам представляется, причинно свертывание краеведческого движения и отход от курса белорусизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каспяровіч М. З гісторыі краязнаўства // Наш край. Мн., 1928. № 2 (20). С. 13–19.
2. Ленкевич Д.В. У истоков церковного краеведения на Беларуси // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 28 лістапада 2003 г.: У 3-х ч. Мн., 2003. Ч. 2. С. 284–285.
3. Каспяровіч М. З гісторыі краязнаўства. С. 17.
4. Минское общество истории и древностей // Вестник Народного комиссариата просвещения ССРБ. Мн., 1921. № 2. С. 40–42.
5. Архив ЛОИА (Ленинградского отделения Института археологии). 1923. Ф. 2. № 96; Алексеев Л.В. Археология и краеведение Белоруссии XVI – 30-е годы XX в. Мн.: Беларуская навука, 1996.
6. Алексеев Л.В. Археология и краеведение Белоруссии XVI – 30-е годы XX в. С. 177; Ад рэдакцыі // Наш край. 1929. № 12.
7. Ад рэдакцыі // Наш край. 1925. № 1. С. 3–5.
8. Улашчык М. Паездка ў Койданаў // Наш край. 1925. № 1. С. 66.
9. Краязнаўства і краебудаўніцтва // Наш край. 1929. № 12. С. 3–5.
10. Самцэвіч В. Да пытання аб краязнаўчай працы ў нізавых краязнаўчых арганізацыях // Наш край. 1929. № 6–7 (45–46). С. 3–7.
11. Краязнаўства і абарона краіны // Наш край. 1929. № 3 (42). С. 3–5.
12. Алексеев Л.В. Археология и краеведение Белоруссии XVI – 30-е годы XX в. С. 189.
13. Цітовіч І.У. Заходнебеларускі краязнаўчы рух 1921–1939 гадоў у беларускай гістарыяграфіі // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 28 лістапада 2003 г.: У 3-х ч. Мн.: БДПУ, 2003. Ч. 1. С. 448–451.